

Карело-вепсский диалог на карте южной Карелии*

А. А. Афанасьева

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск;
anastasia20085@mail.ru

И. И. Муллонен

Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН,
г. Петрозаводск; mullonen@sampo.ru

Аннотация. В статье развиваются идеи Д. В. Бубриха о диалектном членении карельского языка, обусловленном участием вепсского языкового компонента в формировании ливвиковского и людиковского наречий. Через ареальный и этимологический анализ конкретных лексических и топонимических основ устанавливается характер вепско-карельского контактирования на территории Онежско-Ладожского перешейка: вепские субстратные явления в карельском и, соответственно, карельские включения в вепские диалекты. В целях реконструкции исторических границ вепсской и карельской территории на перешейке привлечен топонимический материал. Показано также, что граница, разделяющая ливвиковский и людиковский ареалы, проходит по древнему транзитному водно-волоковому пути с р. Свирь на р. Шуя, который на протяжении длительного времени использовался вепсами и препятствовал в определенной степени карельскому продвижению на восток вдоль р. Шуя.

Ключевые слова: ареальная лингвистика, языковой ареал, субстрат, вепсский и карельский языки, языковые контакты, прибалтийско-финская топонимия.

---

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

A Karelian-Veps dialogue on the map of southern Karelia

A. A. Afanasjeva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk; anastasia20085@mail.ru

I. I. Mullonen

Institute of Language, Literature and History, Karelian Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk; mullonen@sampo.ru

Abstract. The paper elaborates on D. V. Bubrikh's ideas about the dialectal division of the Karelian language associated with the impact of the Veps linguistic component on the formation of the Livvi and Ludic variants. An areal analysis of specific lexical and toponymic stems was employed to identify the nature of Veps-Karelian contacts in the Onego-Ladoga isthmus, i.e. the Veps substrate in Karelian and, correspondingly, Karelian inclusions in the Veps language. The toponymic material made it possible to reconstruct the historical distribution of the terms addressed (the Veps *purde* 'spring (wellhead)' and the Karelian *kiidžin* 'moss growing underwater on the bottom') and, building on this, the historical boundaries of the Veps and Karelian territories in the isthmus. It is also demonstrated that the dividing line between the Livvi and the Ludic areas runs along the ancient boating and portage route from the Svir River to the Shuja River that had for a long time been in Vepsian use, impeding, in a way, Karelian advancement eastwards along the Shuja. Its markers are several Veps toponymic patterns (e.g., the metaphoric name for hills *Kukoinharj*, literally 'Cockscomb'). Along with the areal method, the paper applied an etymological study to prove that the Veps. *purde* 'spring' is derived from the Baltic-Finnish verb stem *puurta-* 'dig, form a stream bed'. The paper also discusses approaches to reveal the etymology of the Karelian *kiidžin*.

Keywords: areal linguistics, linguistic area, substrate, Veps and Karelian languages, language contacts, Finnic toponymy.

1. Введение

Южная Карелия, расположенная между Ладожским и Онежским озерами, была в свое время зоной активного вепско-карельского контактирования, в ходе которого сформировалась языковая карта этой относительно компактной территории. На западе и в центральной части

Онежско-Ладожского перешейка сложились два карельских ареала — ливвиковский и людиковский, а на востоке — северновепский, отделенный от карельской территории «русским коридором», протянувшимся вдоль реки Ивина.

Происходивший здесь карело-вепский диалог не раз становился предметом научного обсуждения. В нем принял участие и Д. В. Бубрих, предложивший свою модель генезиса ливвиковского и людиковского наречий карельского языка. Его теория исходила из существования вепского субстрата [Бубрих 1947], в то время как предшествующие исследования не сформулировали четкого механизма взаимоотношений между языками и описывали их как «вепское влияние», «вепское отражение», «вепское наследие» (см., например, обзор гипотез формирования ливвиковского наречия в [Itkonen 1971: 153–154]). Субстратная гипотеза подтвердилась в ходе дальнейшего исследования. Наиболее убедительное подтверждение наличия вепского субстрата в олонецком (а также косвенным образом и в людиковском) наречии предложил в свое время Терхо Итконен. Он связал с субстратом особенности в системе чередования ступеней согласных, а также появление конечного гласного *u / ü* на месте исторических *a / ä* [Itkonen 1971].

Несмотря на целый ряд исследований, тема карело-вепского диалога не исчерпана полностью. В центр внимания настоящей статьи вынесен ареальный аспект этого диалога: выявляются и анализируются границы ареалов отдельных лексем и топооснов, показательных с точки зрения контактов, реконструируются пути их проникновения на искомую территорию, обсуждается относительная хронология формирования ареалов. Предлагаются также подходы к этимологической интерпретации ряда лексических и топонимических основ.

Карело-вепский диалог получил отражение на всех языковых уровнях. В данной статье проблема контактирования рассматривается на материале лексики как самого проницаемого для иноязычного воздействия уровня языка и топонимии. Топонимические модели носят ареальный характер и хронологически обусловлены, и поэтому они способны конкретизировать наше понимание этого диалога, уточнить его ареальные и временные рамки. Кроме того, в связи со значительной консервативностью географических названий, топонимические ареалы нередко оказываются шире лексических и позволяют реконструировать исторический ареал бытовавшей лексемы.

2. Вепское наследие на Олонецком перешейке: вепс. *purde* ‘родник’

Для обозначения родника в вепских говорах бытует несколько терминов: *purde*, *lähte*, *uhring*, *urting* и позднее русское заимствование *rodnik*. Из них исконно вепсская лексема *purde* ~ *purte* < *purdeg, не имеющая аналогов в других прибалтийско-финских языках, была, очевидно, основным термином для выражения понятия ‘родник, ключ’. При этом ее современный ареал (Рисунок 1) должен характеризоваться как остаточный. На более широкое распространение термина *purde*

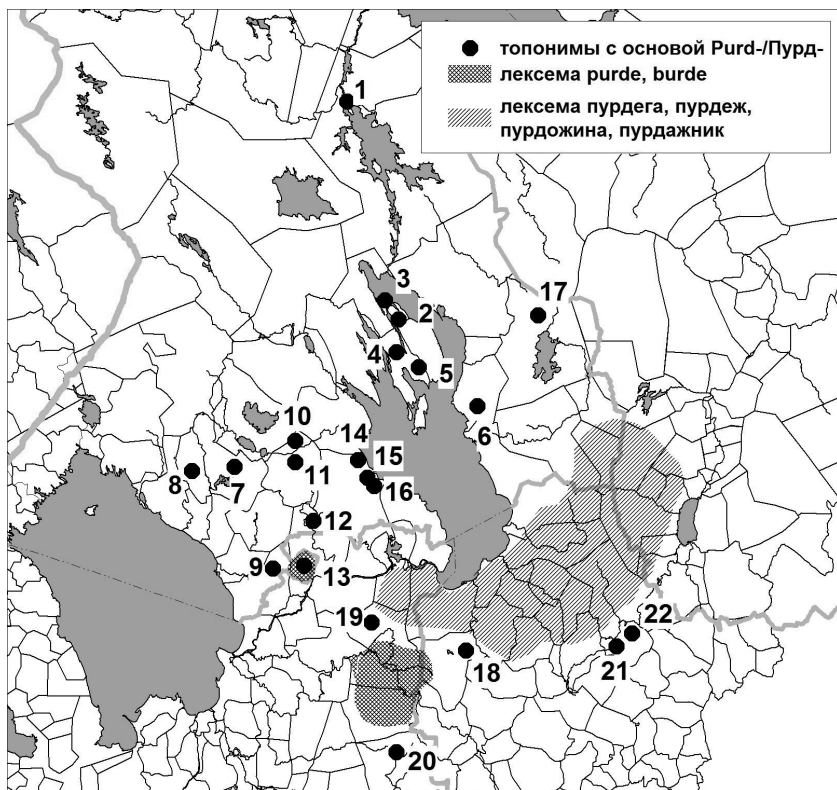

Рис. 1. Вепс. *purde* ‘родник’ и его наследие в
говорах и топонимии южной Карелии

Fig. 1. Vepsian *purde* ‘spring’ and its reflexes in the dialects
and in the toponymy of southern Karelia

в прошлом указывает относительно хорошая его сохранность в западных средневепских говорах, включая и группу переходных говоров верховой Капши, спорадические фиксации в северновепском, а также южновепском ареале. Термин уже практически утрачен говорами вепского Прионежья, его бытование в значительной степени реконструировано по топонимическим фиксациям конца XX в.: болото *Purdeso*, покос *Purdeniit*, поле *Purdepöud*, урочища *Purdedorog*, *Purte*. Южновепская фиксация *purte* ‘открытое место в лесу, поляна’ [СВЯ], видимо, представляет собой результат семантического развития исходного значения, если только не является топонимом — названием лесной поляны, которое составители СВЯ ошибочно внесли в словарь как самостоятельную лексему. Однако в любом случае это свидетельство бытования термина в южновепском ареале.

В контексте карело-вепского диалога существенно бытование термина *purde* ~ *burde* ‘родник’ за северными пределами собственно вепского ареала: в михайловском говоре людиковского наречия карельского языка, содержащем мощный вепский субстрат (*Рисунок 1*). Бытование слова в южнолюдиковском ареале, на северных рубежах вепской территории, при полном отсутствии его на остальной карельской территории подтверждает его вепские корни.

На *Рисунке 1* также показан ареал топонимов с основой *Purde*- и ее вариантами за пределами собственно вепской территории. Ниже приводится соответствующий номерам на карте список названий с указанием вида объекта, а также административной привязкой в формате «область, район, сельсовет (в некоторых случаях конкретный населенный пункт в составе сельсовета)» в соответствии с [СНМ 1926 и Рышкин 1933]¹:

- 1 — *Пурдомах* болото [К, Сегежа, Надвоицы, Кочкомозеро]
- 2 — *Бурднаволок* мыс [К, Шунгский, Кажма, Вершуньга]
- 3 — *Пурдега* деревня, *Пурдежское* болото [К, Шунгский, Кажма]
- 4 — *Пурдега* болото [К, Великогубский, Космозеро]
- 5 — *Бурта* покос [К, Великогубский, Яндомозеро]
- 6 — *Бурдук* покос [К, Шальский, Авдеево]
- 7 — *Purdoilambi* ~ *Purdolambi* озеро [К, Сямозерский, Савиново, Сыссойла]

---

¹ В указанной в квадратных скобках административной привязке К — Карельская АССР, Л — Ленинградская область.

- 8 — *Purdosuo* болото [К, Видлицкий, Колатсельга]
9 — *Purde* покос [К, Олонецкий, Куйтежи, Самбатукса]
10 — *Purdepeldo* ~ *Purdegenpeldo* поле [К, Святозерский, Пряжа, Пряжки]
11 — *Burde* родник [К, Святозерский, Святозеро]
12 — *Agd'anpurde* родник, *Purdepeldo* поле [К, Святозерский, Важинская Пристань, Кашканы]
13 — *Purde* угодье, *Purdeniitud* покосы, *Purdesild* мост, *Purdesel'g* угодье, *Purdeoja* ручей, *Purdepalo* ~ *Purtkenpalo* угодье, *Purdekaiv* колодец [К, Олонецкий, Михайловское]
14 — *Purde*, *Purdeniit*, *Purdepoūd* угодье, *Пурдеж* угодье, *Purde* угодье, *Purdedorog* дорога, покос [К, Шелозерский, Шокша]
15 — *Purdeso* ~ *Purzoso* болото, *Purtkei* покос [К, Шелтозерский, Вехручей]
16 — *Purte* ~ *Purtked* покос [К, Шелтозерский, Шелтозеро Бережное]
17 — *Пурмох* болото, *Пурручей* ручей [К, Пудожский, Пильмасозеро, Загорье]
18 — *Пурболото* болото [Л, Оштинский, Сяргозеро]
19 — *Пуртка* покос [Л, Винницкий, Чикозеро]
20 — *Purte* поляна [Л, Ефимовский, Кортлахта]
21 — *Пурдога* покос [Л, Вашкинский, Индоман]
22 — *Пурдога* деревня, *Пурдовский* родник [Л, Вашкинский, Павшозеро]

Список включает в себя несколько топонимов с территории пограничного с михайловским святозерского людиковского говора и свидетельствует, таким образом, о более широком ареале бытования людиковского термина *purde* в прошлом. Единичные фиксации топоосновы известны и на территории смежных ливвиковских говоров Самбатуксы (покос *Purde*), Коткозера (ручей *Burrinoja*), ведлозерской Сыссойлы (*Purdoilambi*) и даже в довольно удаленном от современного вепсского ареала тулмозерском говоре (болото *Purdosuo*). Топонимический ареал, таким образом, выходит за северные границы лексического и, в совокупности с другими аналогичными топонимическими «вепсизмами», позволяет говорить о притоке вепсского населения и на Олонецкий

перешеек и участия вепского языкового компонента в формировании южных карельских наречий.

Для реконструкции исторического ареала лексемы важно учесть и севернорусские фиксации, в частности, олонецкое *пурдажник* (*курдажник*) ‘еловый лес на топком месте’, *пурвиж* ‘торф, торфяное болото’ [СРНГ], вытегское *пурдожина* ‘торф’, *пурдежная земля* ‘глинистая почва, хорошо удерживающая влагу’ [СРГК]. Сюда же, по-видимому, относятся территориально более отдаленные архангельские *пурдеж* ‘низкое болотистое место на поле’, *пурдега* ‘низкая плохая трава на сырых местах’ [СРНГ]. Стоит обратить также внимание на такие топонимы, как деревня *Пурдега*, мыс *Бурднаволок*, покос *Бурда* в Заонежье, покос *Бурдук* в Пудоже, а также урочище *Пурдога*, деревня *Пурдога*, родник *Пурдовский* в северном Белозерье, которые, видимо, являются вепским языковым наследием на этих обрусевших территориях. Логичным продолжением обонежского ареала на север является наличие топоосновы в русском Сегозерье (*Пурдомих*). В контексте ряда других здешних вепских топонимических фиксаций она отражает, очевидно, присутствие вепсов на транзитном водно-волоковом пути из Обонежья в Поморье и реконструирует, таким образом, северный предел ареала вепской лексемы. Не менее значимо и наличие топоосновы на Онежско-Белозерском водоразделе, указывающее на проникновение вепсов в Белозерье. Сложнее интерпретировать топонимы на территории Архангельской области, ареально удаленные от вепского этноязыкового ареала: *Пурдосское* болото (Коноша), *Пурдевское* озеро, *Пурдево* или *Пурдевское* болото, река *Пурдева* (Пинег), а также озеро *Пурдом* (Холмогоры) [КТЭ]. При этом они согласуются с отмеченными выше архангельскими диалектными лексемами *пурдега* и *пурдеж*. В любом случае, приведенные карельские и русские диалектные и топонимические данные подтверждают широкий ареал и активное бытование *purde* ‘родник’ на ранних этапах вепской языковой истории.

В «Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков» для вепского слова предложена германская этимология [ALFE], которая выглядит неубедительной и в силу семантики германского этимона, и в общем контексте отсутствия в вепских говорах таких германских заимствований, которые не имели бы аналогов в других прибалтийско-финских языках. В свою очередь, финский исследователь Алпо Ряйсянен, анализируя истоки финского термина *puro* ‘ручей’, высказался за его родство с вепс. *purde*. При этом он возвел фин. *puro* к *puristaa* ‘жать, выжимать’, *pursua* ‘сочиться, просачиваться’, тем

самым предполагая сходный отглагольный путь развития и для вепсского *purde* [Räisänen 2010: 515]. Однако такая интерпретация не объясняет *-d-* в основе вепсского слова. Логичнее полагать, что термин *purde* < *purdeg является исконно вепским производным от прибалтийско-финской глагольной основы *puurta-* (фин. *puurtaa*, карел. *puurie*), в широком семантическом поле которого присутствуют значения ‘копать, формировать русло; суесться’, а в числе производных известны фин. *puurto*, *puurtamo* ‘след на водной поверхности от подводного камня, водоворот’, *puurto* ‘труд, старание’, а также *lähteenpuurto* ‘небольшой родник, водянистое место’, *merenpuurto* ‘быстрое повышение и понижение уровня воды и море’ и др. [SSA]. В этом ряду находится и вепс. *purde*, при том, что исходный глагол в вепсских говорах отсутствует, будучи, очевидно, утраченным. Вариант *purte* с глухим смычным может быть вызван ассимиляционным оглушением, которое произошло в основе слова (*purte-n*) вследствие закономерного выпадения гласного второго слога. Наоборот, звонкий вариант с озвончением начального согласного (*Burde*) спровоцирован, очевидно, звонко-сонорным кластером *-rd-* внутри слова. Подобного рода озвончение глухих смычных *k*, *p*, *t* известно в отдельных вепсских [Tunkelo 1946: 41–44] и людиковских [Turunen 1946: 48–52] примерах. В ряде русских вариантов (*Пурдега*, *Пурдога*) законсервирован исторический звук *-g*, который был представлен в абсолютном исходе слова в вепсском термине, т. е. *purde* < *purdeg. Русские топонимы демонстрируют также закономерное опрощение сочетания согласных на стыке структурных элементов сложных топонимов: *Пурболото*, *Пурмох*, *Пурручей*. Русская адаптация, отражающая, с одной стороны, вепсский оригинал, в котором последний согласный может быть как звонким, так и глухим, а с другой — русские фонетические особенности, приводит к бытованию таких топонимов, как *Бурдук* или *Пуртка*.

Интерпретация вепс. *purde* как отглагольного имени косвенно может подтверждаться словообразовательным анализом другого термина: *lähte* ‘колодец, родник’, очевидного отглагольного имени, ср. *lähtta* (< *lähtedäk) ‘выходить, идти’. В нем представлен тот же механизм формирования ландшафтного термина.

Итак, в ситуации вепско-карельского диалога на Олонецком перешейке термин *purde* является очевидным вепским наследием, прочно закрепившимся в территориально смежных с вепским ареалом южно-людиковских говорах, где представлен не только в топонимии, но и лексике. Знаменательно его бытование в русских говорах

Присвирья и Обонежья [СРНГ, СРГК]. Совокупный лексико-топонимический ареал, видимо, может рассматриваться как вепское субстратное наследие на обширной территории Обонежья. Именно такой генезис характерен для вепской по истокам ландшафтной терминологии в русских говорах. Видимо, об этом же свидетельствуют топонимические фиксации основы за пределами территории непосредственных вепских контактов.

3. Карельские включения в северновепском говоре

Карельский след в вепских говорах исследован мало, и, по-видимому, в силу этого складывается впечатление о его незначительности. Однако по мере накопления информации выявляются вполне убедительные «карелизмы» в вепской языковой среде, причем на разных языковых уровнях. Они особенно убедительны в северном диалекте, а также в восточных говорах средневепского диалекта [Зайцева 2016: 301–309], согласуясь с этнографическими данными о заметном карельском воздействии на северных вепсов [Винокурова 2015: 177–178].

Появление карельского элемента в вепском Прионежье вызвано, очевидно, исходом карелов из Корельского уезда в XVI–XVII вв. в связи с переходом территории под власть Швеции. Карельские выходцы оседают в Обонежье, особенно в бассейнах и приустьевой части рек Суны и Шуи, поглощая здесь предшествующее вепское население. Южнее же, в отдалении от магистральных колонизационных путей, приток их не носит столь массового характера. Вселяясь в существовавшие на то время вепские деревни, карелы, оказываясь в меньшинстве, растворялись со временем в вепском большинстве. При этом они привнесли определенные карельские языковые особенности в местную вепскую речь. Принято считать, что к таким карельским рудиментам относятся геминированные согласные, присущие северновепскому диалекту [Tunkelo 1946: 148–149]. Карельским влиянием обусловлен ряд особенностей в глагольном спряжении, в том числе особый тип основы на *-o* в форме 3 лица ед. числа презенса индикатива, форма 3 лица мн. числа имперфекта, показатель инфинитивов возвратных глаголов [Зайцева 2016: 104, 114, 126]. На уровне лексики карельское наследие в вепских говорах исследовано мало. В качестве примера приведем северновепскую лексему *ald* ‘волна’. Она функционирует

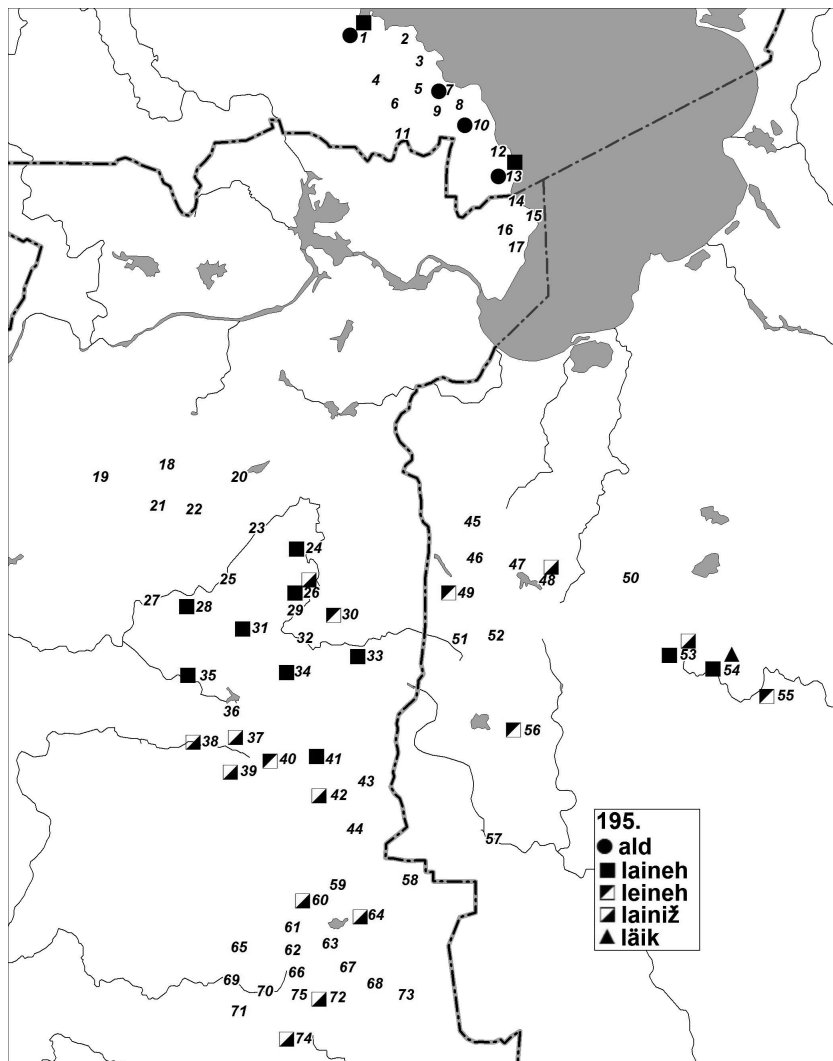

Рис. 2. Именования понятия 'волна' в вепсских говорах

Fig. 2. The word for 'wave' in Vepsian dialects

во всех говорах северновепсского диалекта, однако не известна другим вепским диалектам, в которых для обозначения озерной или речной волны используется лексема *laineh* ~ *leineh* ~ *lainiž*. В виде *laineh* она зафиксирована и в двух северновепсских пунктах — Шокше и Каскесручье (Рисунок 2). Иначе говоря, прионежские говоры используют два

синонимичных слова: общевепское *laineh* и северновепское *ald*. При этом сугубо северновепский ареал слова *ald* обусловлен, конечно, карельским языковым воздействием. В виде *oaldo*, *oalto* [KKS] оно бытует в территориально смежных карельских говорах. Надо полагать, что его закрепление при уже бытовавшем *laineh* было обусловлено специфической семантикой слова *ald*, обозначающего, прежде всего, большую волну, характерную для Онежского озера.

Для реконструкции исторических позиций карельского языка как участника языкового диалога, происходившего на Олонецком перешейке, актуально и привлечение топонимического материала. В этом случае одна из принципиально важных задач состоит в выявлении дистрибуции карельских и вепских моделей. В силу близкого родства языков их топосистемы в значительной степени идентичны. Один из существенных критериев разграничения лежит в ареальной характеристике, в выявлении центра топонимического ареала, а также путей распространения модели. Далее этот тезис будет продемонстрирован рядом топонимов с основой *Kiidž-* / *Киж-* с территории Онежско-Ладожского перешейка (Рисунок 3, с. 20). Среди них несколько заливов с названиями *Kiislahti*, *Kiidžillahti* (lahti ‘залив’) на северном берегу Ладожского озера, а также *Kiidžinlahti*, *Kiidžilahti*, *Kiidžuguba* в центральной части Онежско-Ладожского перешейка. В этом же ряду озера *Kiismenlambi*, *Kiidžari*, болота *Kiizimensuo*, *Kid'žmansuo*, на русской территории перешейка в восточной части ареала болото *Кижечный мох*, залив *Кижимлахта* и др.

Названия восходят к карельскому слову *kiidžin:kiidžime-*, бытовавшему во всех диалектах карельского языка и обозначавшему разные виды мхов — от лишайников до ягеля и кукушкина льна [KKS]. В этом контексте стоит отметить, что топонимия весьма избирательна в выборе тех растений, которые закрепляются в названиях мест. Выбор определяется в первую очередь использованием их в хозяйственной деятельности местных жителей. Судя по материалам традиционной культуры, к таким широко востребованным в традиционном быту растениям относилась водная разновидность мха *kiidžin*. Известно, что карелы-людики использовали его для мшения [уплотнения мхом] построек [Turunen 1946: 201]. Такая же информация имеется и из ливвиковского Сязозерья: “*lammiz nostetah kiidžimet haravoil kuivah, pertti sammaldetah*” [KKS] — “мох граблями поднимают из ламбы [лесного озера] на сушу, мшат избу”. В Линдозере Кондопожского района наши информанты вспоминали, как мох поднимали из залива *Kiidžilahti*

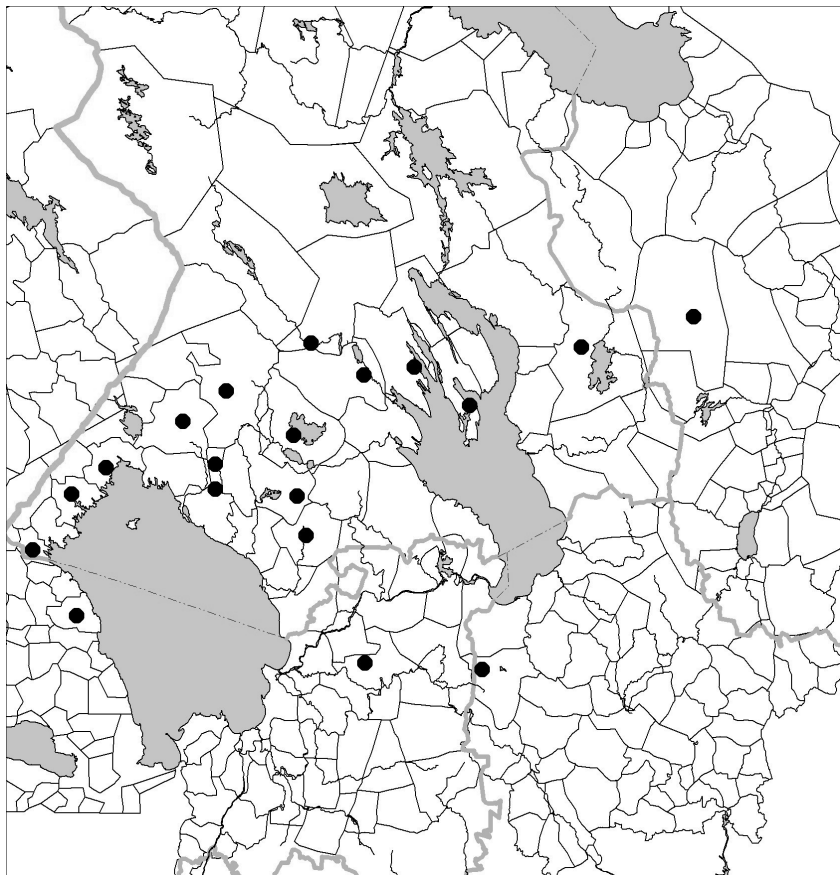

Рис. 3. Ареал карельской топоосновы *Kiidž(in)*-
 Fig. 3. Areal of Karelian toponymic base *Kiidž(in)*-

с помощью специальной вертушки и затем, высушив на берегу, использовали при строительстве изб. Подобная практика бытовала и на заонежском острове Кижы — всемирно известном музее деревянного зодчества. Водный мох, поднятый специальными граблями со дна залива Мошгуба, использовался для мшения стен, полов, лодок-кижанок [Агапитов 1993: 20–21]. Показательно здесь, конечно, и само название залива *Мошгуба*, т. е. ‘моховая губа’: в нем как раз и отложилась память о мхе *kiidžin*, название которого переведено на русский словом *мох*. Сам структурный облик русского названия явно указывает на возможность кальки, иначе говоря, карельский оригинал *Мошгубы* мог выглядеть как

*Kiidžilahti (< *Kiidžillahti < *Kiidžinlahti) и входит в один ряд с соответствующими названиями заливов в Суоярви, Линдозере, на Сямозере, кондопожском Мунозере и других местах. Карельский топоним *Kiidžilahti превращается в русскую *Моиугубу* на том не столь уж отдаленном этапе истории, когда в южном Заонежье еще бытовало двуязычие и название озерного мха *kiidžin*, растущего на дне неглубоких хорошо прогреваемых озерных заливов, еще не было здесь забыто. Карельская топооснова была переведена в названии залива, но сохранилась в названии острова Кижы.

Впервые «растительная» этимология названия острова Кижы была предложена В. Агапитовым [Агапитов 1993: 20]. Она, несомненно, лучше мотивирована, чем получившая в свое время широкую известность «игрищная» интерпретация, связывавшая топоним *Кижы* с карельским словом *kižad* 'игры, игрища'. В качестве мотива названия предлагался сакральный характер острова, на котором проводились некогда ритуальные праздники. Однако эта интерпретация не находит подтверждения в виде топонимов-тезок, образующих внятный ареал. Наоборот, как было ранее показано, название водного мха распространено в топонимии. Выявленный ряд топонимов формируется в довольно компактный ареал (*Рисунок 3*) на территории южной Карелии. Он протянулся от Северного Приладожья до северного Кенозерья и наиболее насыщен на Онежско-Ладожском перешейке — в карельском ливвиковско-людиковском языковом ареале, где зафиксирован и соответствующий апеллятив. Слово известно также некоторым восточно-финским говорам, например, в саволакских говорах *kisilevä* 'водоросль, используемая для окрашивания' [SMS]. Топооснова образует достаточно плотный ареал в восточной Финляндии, в зоне исторического карельского присутствия. В совокупности это позволяет реконструировать исконный карельский термин, в настоящее время уже практически утраченный. Помимо языковой составляющей (бытования термина в карельских диалектах) очертания топонимного ареала обусловлены также, по-видимому, и климатической зоной. Северная граница ареала следует очертаниям северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также т. н. южной климатической зоны, отличающейся наиболее благоприятными для проживания климатическими условиями [КЭ, т. 2: 21–22, 26].

Истоки самого слова не вполне ясны, хотя в нем возможно выделение суффикса *-in* с первоначальным диминутивным значением, которым оформлен ряд наименований растений, в том числе *muurain*

‘морощка’, *puolain* ‘брусника’, *siestain* ‘смородина черная’, *vaarain* ‘малина’, *kuusa(i)n* ‘жимолость’ [Hakulinen 1968: 111].

С распространением карелов из Приладожья слово попало в Обонежье и достигло на востоке даже Кенозерья, где на Ундозере в местном русском говоре бытует слово *кижа* ‘озерный ил’ [СГРС]. Оно, по-видимому, является карельским включением, оставленным в наследие карелами, переселенцами из Корельского уезда. В наименовании озера *Кижевато* на Ундозере основа могла закрепиться как в карельском, так и в русском виде: *kiidžin* > *кижа* (*киже-*).

В контексте вепско-карельского диалога особый интерес вызывают два топонима на вепсской территории в Шимозерье: озеро *Kižidärv* (рус. *Кижозеро*) и болото *Kižiso*. Еще один — *Кижов остров* на реке Ояти — засвидетельствован в д. Мустиничи Шапшенского сельсовета, на территории, которая еще в довоенное время была вепсской. В том ареальном контексте, который описан выше, они отражают карельское проникновение на смежную вепскую территорию. Карельские корни топоосновы убедительно подтверждаются как присутствием исходной лексемы в карельских говорах и других производных древнекарельского языка, так и ареалом, который совпадает с путями миграции карелов из Приладожья на восток. В одной из своих ранних работ, не зная приведенного выше карельского контекста, один из авторов данной статьи ошибочно квалифицировал топонимы вепсской территории как законсервировавшие вепсский термин, бытовавший в прошлом в вепсских говорах [Муллонен 1994: 58–59]. Сейчас очевидно, что речь должна идти о карельском «следе».

Карельское наследие в вепском лексическом и топонимическом континууме не исчерпывается, конечно, приведенными выше двумя примерами. Дополнительный лексический материал содержится в «Лингвистическом атласе вепского языка», опубликованном в 2019 г. [ЛАВЯ].

4. Ливвиковско-людиковская граница на Олонецком перешейке

Вопрос о генезисе южных наречий карельского языка — ливвиковского и людиковского — и участия в их образовании вепского субстрата был принципиально решен еще Д. В. Бубрихом [Бубрих 1947],

а дальнейшие исследования развили и уточнили целый ряд высказанных им положений. При этом проблема формирования территориальной границы между ливвиковским и людиковским языковым ареалами, равно как и факторы, обусловившие становление северновепского ареала на юго-восточной окраине Олонецкого перешейка, вплоть до последнего времени специально не обсуждались. Проведенный анализ топонимных ареалов показал, что культурные границы в регионе Обонежья обусловлены в первую очередь ландшафтно-географическими [Муллонен 2012]. Для становления границы между ливвиковским и людиковским языковыми ареалами исключительно важную роль сыграл транзитный водно-волоковой путь, соединяющий Присвирье через Онежское озеро с Белым морем. По северному участку этой дороги в XX веке прошел Беломорско-Балтийский канал. Южный участок полностью совпадает с ливвиковско-людиковской границей. Видимо, уже в период активного карельского освоения Онежско-Ладожского перешейка продолжалось проникновение вепсов на эту территорию, причем использовался путь по реке Важинке. Среднее и верхнее течение Свири изобилует порогами, поэтому издревле был известен обходной путь вдоль северного притока Свири, реки Важинки, через водораздел в озеро Святозеро и далее на реку Шую. Неслучайно в устье Важинки располагался центр древнего Важинского погоста — средневекового административного подразделения, из которого происходило расселение по территории речного бассейна и за его пределы.

Этот путь активно и на протяжении длительного времени использовался вепсами, о чем свидетельствуют четко накладывающиеся на него ареалы ряда вепских топонимных моделей (напр., *Kukoinharj*, *Pyhäjärvi* ‘Святое озеро’, топооснова *Jalo-*, ср. *jalo ‘большой’ [Захарова и др. 2018: 36–40]). Яркий пример — вепская метафорическая модель *Kukoinhar’j* ‘петушинный гребень’, которая использовалась для называния незначительных возвышенностей. Она является, очевидно, довольно поздней, поскольку не охватывает весь вепский ареал и привязана исключительно к недолговечным по времени существования микропонимам. Карта показывает (*Рисунок 4*, с. 24), что модель четко коррелирует с упомянутой уже водной дорогой на север и одновременно с людиковско-ливвиковской границей. Здесь отмечены урочище *Kukoinhard’* в дер. Мошничье на реке Важинке, поле *Kukuenhard’a* в старинном людиковском селе Святозеро, урочище *Kukoiharja* на восточном берегу озера Сямозеро. Этот ряд замыкается на севере названием расположенной на болоте песчаной возвышенности *Петушинный Гребень*

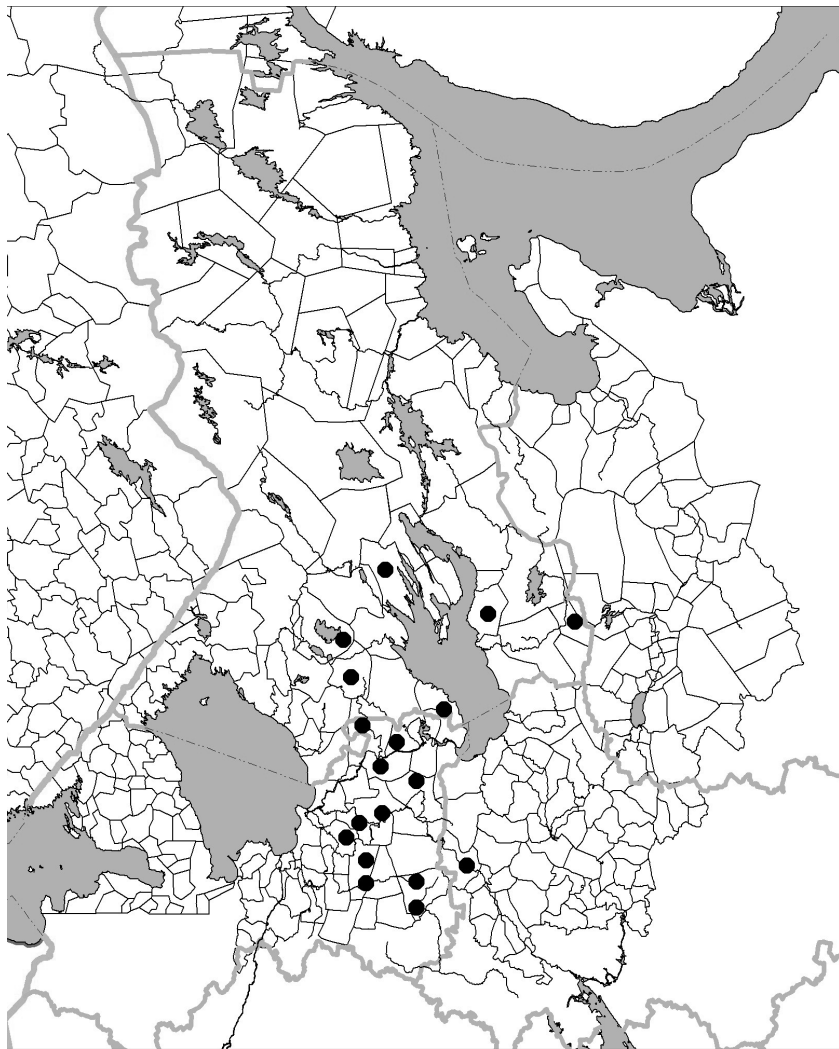

Рис. 4. Ареал вепской топоосновы *Kukoinharj*
Fig. 4. Areal of Vepsian toponymic base *Kukoinharj*

(дер. Шайдома), которое, по всей видимости, является переводной калькой вепского оригинала.

Используя путь на Важинке на север, вепское освоение выходило к реке Шуе, которая в XV–XVII вв. стала основной дорогой карельского продвижения из Приладожья на восток. В результате в низовьях Шуи

фактически столкнулись два потока: карельский с запада и вепсский с юга. Очевидно, выход вепсов на реку Шую препятствовал в определенной степени поступательному движению карелов с запада на восток по Шую. В результате к востоку от вепсского пути сформировалась людиковская территория, где вепсский компонент значительно более мощный, чем в западном олонецком или ливвиковском диалекте. Однако «людизация» затронула в Прионежье прежде всего территории, тяготеющие к транзитным водным путям — Важинке, Шую и Суне, — и лишь в малой степени коснулась более отдаленных от них мест, в частности, северновепсского ареала. На рубеже Средневековья и Нового времени (XV–XVII вв.), когда происходило активное карельское продвижение на Онежско-Ладожский перешеек, северновепсская территория была довольно глухой окраиной на границе двух погостов Обонежской пятины (Остречинского и Оштинского) с очень ограниченным количеством сельскохозяйственных земель. Это и защитило ее от карелизации.

5. Выводы

Языковые сюжеты, предложенные в статье, являются в определенном смысле эталонными в представлении вепско-карельского языкового взаимодействия на Олонецком перешейке. На рубеже Средневековья и Нового времени (XV–XVII вв.) проникновение карельских переселенцев из Северного Приладожья проходило по основным водным артериям территории и приводило к карелизации населявших Онежско-Ладожский перешеек вепсов. Степень этой карелизации ослабевает по мере продвижения с запада на восток. При этом, как показал анализ топонимического материала, границы сформировавшихся языковых ареалов — ливвиковского, людиковского и вепсского — определялись в значительной степени ландшафтно-географическими особенностями местности и связанными с ними водно-волоковыми путями.

Литература

Агапитов 1993 — В. А. Агапитов. Киж: что в имени твоём? (О происхождении названия Киж и не только...) // Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова, Л. П. Михайлова (ред.). Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. С. 20–21.

- Бубрих 1947 — Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1947.
- Винокурова 2015 — И. Ю. Винокурова. Мифология вепсов. Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015.
- Зайцева 2016 — Н. Г. Зайцева. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016.
- Захарова и др. 2018 — Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин, И. И. Муллонен, Н. Л. Шибанова. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте. М.: ЯСК, 2018.
- Муллонен 1994 — И. Муллонен. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994.
- Муллонен 2012 — И. И. Муллонен. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды КарНЦ РАН. Серия Гуманитарные исследования. 2012. № 4. Вып. 3. С. 13–24.
- Рышкин 1933 — П. Е. Рышкин. Административно-территориальное устройство Ленинградской области. Л.: Изд-во Леноблсполкома и Ленсовета, 1933.
- Hakulinen 1968 — L. Hakulinen. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos. Helsinki: Otava, 1968.
- Itkonen 1971 — T. Itkonen. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. № 2. S. 153–182.
- Räisänen 2010 — A. Räisänen. Kostamo, Onkamo ja muita paikannimiä // Virittäjä. 2010. № 4. S. 502–530.
- Tunkelo 1946 — E. A. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Vol. 228). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946.
- Turunen 1946 — A. Turunen. Lyydiläismurteiden äännehistoria. Vol. I. Konsonantit (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. LXXXIX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1946.

Источники

- КТЭ — Картотека топонимической экспедиции Уральского университета.
- КЭ — А. Ф. Титов (ред.). Карелия. Энциклопедия. Т. 1. Петрозаводск: Петропресс, 2007.
- ЛАВЯ — Н. Г. Зайцева (ред.). Лингвистический атлас вепсского языка. СПб.: Нестор-История, 2019.
- СВЯ — М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. университета, 2001–.
- СНМ 1926 — Список населенных мест Карельской АССР (По материалам Переписи 1926 года). Петрозаводск: Изд-во Статистического управления, 1928.
- СРГК — А. С. Герд (ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. университета, 1994–2005.

- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; СПб.: Наука, 1965–.
- ALFE — T. Tuomi (pääт.), S. Suhonen, T.-R. Viitso, V. Rjagoev (toim.). Atlas Linguarum Fennicarum. T. I–III (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Vol. 1295; Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja. Vol. 159). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004–2010.
- IMS — R. E. Nirvi (toim.). Inkeröismurteiden sanakirja (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XVIII). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. T. I–VI (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XVI). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005.
- SMS — Suomen murteiden sanakirja. Osa 1– (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja, 36–). Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1985–.

References

- Agapitov 1993 — V. A. Agapitov. Kizhi: chto v imeni tvoem? (O proiskhozhdenii nazvaniya Kizhi i ne tolko...) [Kizhi: What's in your name? (On the origin of the names of Kizhi and not only ...)]. G. M. Kert, N. N. Mamontova, L. P. Mikhaylova (eds.). *Rodnye serdtsu imena (Onomastika Karelii)* [Names, dear to the heart (Onomastics of Karelia)]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1993. P. 20–21.
- Bubrikh 1947 — D. V. Bubrikh. *Proiskhozhdenie karelskogo naroda. Povest o soyuznike i druge russkogo naroda na Severe* [The origin of the Karelian people. The story of an ally and friend of the Russian people in the North]. Petrozavodsk: State Publishing House of the Karelian-Finnish SSR, 1947.
- Hakulinen 1968 — L. Hakulinen. *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Kolmas, korjattu ja lisätty painos. Helsinki: Otava, 1968.
- Itkonen 1971 — T. Itkonen. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty. *Virittäjä*. 1971. No. 2. S. 153–182.
- Mullonen 1994 — I. Mullonen. *Ocherki vepsskoy toponimii* [Essays on Veps toponymy]. St. Petersburg: Nauka, 1994.
- Mullonen 2012 — I. I. Mullonen. Prirodnye i kulturnye faktory formirovaniya vepsskoy etnicheskoy territorii [Natural and cultural factors of the formation of the Veps ethnic territory]. *Trudy KarNTs RAN. Seriya Gumanitarnye issledovaniya*. 2012. No. 4. Iss. 3. P. 13–24.
- Räisänen 2010 — A. Räisänen. Kostamo, Onkamo ja muita paikannimiä. *Virittäjä*. 2010. No. 4. S. 502–530.
- Ryshkin 1933 — P. E. Ryshkin. *Administrativno-territorialnoe ustroystvo Leningradskoy oblasti* [Administrative and territorial structure of the Leningrad region]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad Executive Committee and the Leningrad City Council, 1933.
- Tunkelo 1946 — E. A. Tunkelo. *Vepsän kielen äännehistoria* (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Vol. 228). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946.

- Turunen 1946 — A. Turunen. *Lyydiläismurteiden äännehistoria*. Vol. I. *Konsonantit* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. LXXXIX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1946.
- Vinokurova 2015 — I. Yu. Vinokurova. *Mifologiya vepsov. Entsiklopediya* [The mythology of the Veps. Encyclopedia]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House, 2015.
- Zaharova 2018 — J. V. Zaharova, D. V. Kuzmin, I. I. Mullonen, N. L. Shibanova. *Toponimnyye modeli Karelii v prostranstvenno-vremennom kontekste* [Toponymic models of Karelia in the spatio-temporal context]. Moscow: LRC Publishers, 2018.
- Zaytseva 2016 — N. G. Zaytseva. *Ocherki vepsskoy dialektologii (lingvogeograficheskiy aspekt)* [Essays on Veps dialectology (aspects of linguistic geography)]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2016.

Sources

- ALFE — T. Tuomi (päätt.), S. Suhonen, T.-R. Viitso, V. Rjagoev (toim.). *Atlas Linguarum Fennicarum*. T. I–III (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Vol. 1295; Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja. Vol. 159). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004–2010.
- IMS — R. E. Nirvi (toim.). *Inkeröismurteiden sanakirja* (Lexica Societatis Fennougricae. Vol. XVIII). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971.
- KE — A. F. Titov (ed.). *Kareliya. Entsiklopediya* [Karelia. Encyclopedia]. Vol. 1. Petrozavodsk: Petropress, 2007.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. T. I–VI (Lexica Societatis Fennougricae. Vol. XVI). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005.
- KTE — Kartoteka toponimicheskoy ekspeditsii Uralskogo universiteta [File cabinet of the toponymic expedition of the Ural State University].
- LAVJ — N. G. Zaitseva (ed.). *Lingvisticheskiy atlas vepsskogo yazyka* [Veps linguistic atlas]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.
- SGRS — *Slovar gorovor Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1–. Ekaterinburg: Ural State University Press, 2001–.
- SMS — *Suomen murteiden sanakirja*. Osa 1– (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja. Vol. 36–). Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1985–.
- SNM 1926 — *Spisok naseleennykh mest Karelskoy ASSR (Po materialam Perepisi 1926 goda)* [List of populated areas of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic (Based on materials from the 1926 Census)]. Petrozavodsk: Statistical Office Publishing, 1928.
- SRGK — A. S. Gerd (ed.). *Slovar russkikh gorovor Karelii i sopredelnykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Iss. 1–6. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 1994–2005.
- SRNG — *Slovar russkikh narodnykh gorovor* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 1–. Moscow, Leningrad, St. Petersburg: Nauka, 1965–.
- SVYa — M. I. Zaytseva, M. I. Mullonen. *Slovar vepsskogo yazyka* [Veps Dictionary]. Leningrad: Nauka, 1972.